

- Современная философия истории: основные направления и концептуальные особенности
- Диалогическая природа традиции в перспективе психоаналитического подхода и его парадигмальных коннотаций
- Традиционализм в структуре восточнославянской цивилизации и перспективы кросскультурного диалога Востока и Запада
- Кризис культурного капитала «финансовой цивилизации» и перспективы его преодоления
- «Рынки лояльности» и культурная глобализация

УДК 101.1:316.3 + 930.1:1

Современная философия истории: основные направления и концептуальные особенности

О. В. Новикова, кандидат философских наук, доцент*

В. Т. Новиков, кандидат философских наук, доцент**

Предметом рассмотрения являются основные направления современной философии истории — философия истории постмодернизма и постиндустриализма. Выделяя особенности концепций первого направления, авторы обращают внимание на присущее им размывание границ между пониманием истории как объективного процесса и как нарратива, их гносеологический релятивизм и отказ от рассмотрения исторического процесса как «истории тотальностей». В характеристике концепций второго направления отмечаются свойственная им абсолютизация роли научно-технических знаний и инноваций, рассмотрение социума как единой цивилизации, динамика которой отличается прогрессивной, но «нежесткой» формой развития. Их особенностью является также признание необходимости перестройки сознания и достижения гармонии материальных и духовных ценностей в обществе.

Ключевые слова: историческая реальность, философия истории постмодернизма, философия истории постиндустриализма, нарратив, симулякр, субстанциальная философия истории, рефлексивная философия истории.

Contemporary Philosophy of History: Main Trends and Special Aspects

O. V. Novikova, PhD in Philosophy, Associate Professor

V. T. Novikov, PhD in Philosophy, Associate Professor

The point of issue concerns to the main trends of the contemporary philosophy of history such as the postmodern and postindustrial philosophy of history. Indeed, the postmodern conceptions are characterized by the «blurring of lines» between the appreciation of history as an impersonal process and as a narrative. These conceptions exhibit the epistemic uncertainty and refusal of understanding history as a total process. The postindustrial theories are marked by the absolute priority given to the scientific and technical knowledge and innovations. These conceptions consider society as the one whole progressive civilization and admit the necessity to change the conscience in order to harmonize the material and mental values.

Keywords: historical reality, postmodern philosophy of history, postindustrial philosophy of history, narrative, simulacrum, substantial philosophy of history, reflexive philosophy of history.

Общество — исторически развивающаяся система взаимодействующих общностей людей и отношений между ними, изучение которой является предметом как комплекса социально-гуманитарных наук, так и философской рефлексии. В философии историческая динамика общества является

предметом особой области знания — философии истории, изучающей природу исторического процесса, фундаментальные принципы и начала исторического бытия, механизмы и закономерности исторического развития социума, а также осуществляющей рефлексии над самим историче-

* Доцент кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ.

** Доцент кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ.

ским познанием и осмысливающей статус исторического знания, его репрезентативность и достоверность. Что же характерно для современной философии истории?

В современной, постнеклассической, философии истории можно выделить два основных, имеющих стратегический характер направления — философию истории постмодернизма и философию истории постиндустриализма*. Эти направления существенно отличаются друг от друга по лежащим в их основе теоретико-методологическим принципам. Отличаются они также по отношению к ценностям, идеалам и нормам осуществления философской рефлексии над историческим развитием общества, которые были характерны для предшествующей философии истории — как классической, так и неклассической.

Вначале обратим внимание на постмодернистскую философию истории, о существовании которой, несмотря на ее официальную неангажированность и концептуальную разобщенность (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяр и др.), на наш взгляд, правомерно говорить. Отметим и кратко охарактеризуем три основные особенности философии истории постмодернизма.

Во-первых, это взаимопроникновение субстанциональной и рефлексивной тематизаций в рамках единого философско-исторического пространства, в результате чего рефлексия конституирует как саму реальность, так и ее историю. Лишая философию метафизического содержания и превращая ее в «культуру размышления», рефлексия, по выражению Р. Барта, «кастрирует реальность».

Это осуществляется путем её деконструкции, сущность и назначение которой характеризует Ж. Деррида, рассказывая о почтовой открытке с изображением Сократа и конспектирующего его диалоги молодого человека — его ученика Платона. Однако надписи были перепутаны, и получилось, что молодой Сократ пишет диалоги под наблюдением старого Платона. Французский философ Ж. Деррида рассматривает этот случай как демонстрацию иного прочтения истории философии, опираясь на существующее мнение, что, развивая идеи Сократа в своих «Диалогах», Платон по сути сам становится их автором, а Сократ превращается в источник информации и легендарный литера-

турный персонаж: «Сократ, пишущий под диктовку Платона, мне кажется, это то, что глубоко в душе я всегда знал, и это было похоже на негатив фотографии, проявляющийся в течение двадцати пяти веков внутри меня... Сократ тот, кто пишет, — сидящий, склоненный, исправный писец или переписчик, этаким секретарь Платона» [1, с. 17].

Тем самым Ж. Деррида подчеркивает не произвольный характер оснований деконструкции, а наличие в ней единства объективной и субъективной сторон. Вместе с тем он делает намек, что история не только может рассматриваться в разных проекциях и интерпретациях, а что она может быть разрушена вообще. В философии эпохи постмодерна исторический процесс рассматривается не как закономерный поток обезличенных событий, подчиненный некой объективной логике, в пространстве которого взаимодействуют большие социальные группы, а как процесс, в котором активно проявляет себя субъект истории. Он не только осознанно влияет на ход событий, выступая в роли действующего ее лица, но он в то же время интерпретирует происходящие события, вкладывая в них, исходя из собственных интересов, ценностей и установок, определенные значения. В этом смысле он творит историю и как объективный процесс, и как нарратив — как текст, как описание и интерпретацию происшедшего в прошлом. Как пишет Ж. Бодрийяр, «история была могучим мифом, последним могучим мифом вместе с бессознательным. Это тот самый миф, который поддерживал одновременно возможность „объективной“ связности причин и событий и возможность нарративной связности дискурса», и не случайно «век истории — это также и век романа» [2, с. 39—40]. Впрочем, подобное совмещение онтологического и рефлексивного в понимании истории встречалось и раньше, ибо в исходном значении история — это рассказ о прошлом, а у Вольтера существует оригинальное определение истории как «вымысла, с которым согласны все».

Во-вторых, философии истории постмодернизма свойственна релятивистская установка в решении вопроса о характере исторической истины. Она связана с созданием ситуации гносеологического эгалитаризма — признания принципиального равноправия любых интерпретаций исторического процесса, поскольку репрезентативная модель познания признается конвенциональной конструкцией и может быть заменена, например, симулятивной (Ж. Бодрийяр) версией.

Более того, речь идет не просто о понимании и интерпретации реальности, а о заменившей ее «гиперреальности», складывающейся из симулякров — призраков реального. По словам Ж. Бо-

* В данном случае понятие постиндустриализма носит обобщающий, генерализированный характер, характеризуя комплекс имеющих парадигмальный характер идей, которые свойственны не только концепции постиндустриального общества, а ряду имеющих футурологическое назначение концепций.

дрийера, «реальный мир не может не быть результатом симуляции. Разумеется, это не исключает существования эффекта реального, эффекта истины, эффекта объективности, однако реальности в себе, реальности как таковой не существует». Отсюда, согласно автору, следует правомерность существования любых исторических картин. Ведь если мы «живем в состоянии тотальной неопределенности, в условиях не-истины, не-реальности окружающего нас мира», если мы погружены в иллюзорное [3, с. 30; 158], то объективного критерия для определения истинности исторической картины происходящего не существует. Более того, его не может быть в принципе, поскольку само понятие истины является условным и конвенциональным.

В-третьих, философии истории постмодернизма присуще отношение к истории, не совместимое с общепринятым и унаследованным от философии истории эпохи Просвещения пониманием ее как линейной последовательности «прошлое-настоящее-будущее». Неприемлемым для нее является и идущая от классической философии трактовка истории как «истории тотальностей». Более того, в фокусе внимания философии постмодернизма, вопреки философско-исторической классике, оказывается социальное пространство, а не время. Поэтому, как отмечает Ф. Джеймисон, «много уже говорено о том, что мы обитаем сейчас скорее в синхронном, чем диахронном мире, и я считаю ..., что в нашей повседневной жизни, нашем психологическом опыте, наших культурных языках сегодня доминируют скорее категории пространства, чем времени, как это было в предшествующий период модернизма» [4, с. 130].

В исторической «связи времен» усматривается диктат настоящего, задающего матричную модель развертывания исторического процесса (Ж. Деррида), дискриминирующую всё, что выпадает из истории тотальных структур. Реальная же история, согласно этим взглядам, децентрирована и ризоматична*, что обуславливает правомочность различных проекций истории. Как видно, в постмодернистском историческом сознании в доведенной до предела и даже эпатирующей форме находят выражение историцистские идеи. Тем не менее, в нем заостренно отражены реальные проблемы современной истории, которая все более

приобретает поливариантный и негарантированный характер. Всестороннее рассмотрение этих проблем могло бы обогатить и сделать более разносторонней и актуальной современную философию истории, способствуя ее развитию через новое, очередное самоопределение.

Второе из основных, имеющих стратегический характер направлений современной философии истории развивается в русле идеологии постиндустриализма. Она нашла отражение в близких по теоретико-методологическим принципам концепциях постиндустриального, информационного, посткапиталистического и других типов общества. Выделим характерные для них и значимые для философско-исторического знания положения.

Во-первых, это следование традиции абсолютизации роли научно-технического прогресса в жизни общества. Эта идея составила концептуальное ядро технологического детерминизма, согласно которому опирающиеся на науку техника и технологии обладают автономностью развития и решающим образом определяют развитие общества, а их прогресс обуславливает социальный прогресс в целом.

Философия истории индустриализма развивает традицию появившегося на основе технологического детерминизма технократизма как концепции и особой модели общества, согласно которым все социально значимые решения должны приниматься научно-техническими специалистами — экспертами, для которых характерна техническая рациональность. В частности, французский философ и социолог XX в. Ж. Эллюль, говоря о технической рациональности, отмечает, что технику надо понимать не только как машинное обеспечение деятельности человека, но и как стиль мышления, ориентированный на инструментализм в оперировании с предметами и людьми. По его словам, в технократизме «решающим фактором является заполнение нашей мысли, как и нашей чувственности, механическими процессами» [5, с. 147], а техника сама становится средой. Для технократа, по мнению этого социолога, технические средства становятся самоцелью, а люди рассматриваются в качестве придатка к машине.

Во-вторых, это безусловное признание существования единой мировой истории и единой мировой цивилизации, развитие которой характеризуется поступательностью, преемственностью и стадиальностью. В рамках данной версии философии истории широкое распространение получила типология, согласно которой выделяются доиндустриальный (аграрное, традиционное общество), индустриальный (промышленное, техногенное общество) и постиндустриальный (ин-

* Ризома (от греч. rhiza — корень): в биологии — форма корневища, не обладающая явно выраженным центральным подземным стеблем. В философии постструктурализма и постмодернизма это понятие характеризует нелинейный способ организации текста, обуславливающий возможность и правомерность существования многих его интерпретаций.

формационное, посткапиталистическое общество) периоды развития человечества.

Различие в интерпретации грядущего мирового сообщества и его особенностей, выражающееся в существовании названных концептуальных вариантов идеологии постиндустриализма, определяется различными аспектами рассмотрения перспектив социодинамики и назначения футурологических прогнозов. В главном же они сходятся: основу развития единого мирового сообщества будут составлять динамично развивающиеся теоретические знания и инновации, информация и информационные технологии, практическое использование которых должно способствовать линейно-прогрессивному развитию глобализирующегося мира.

Однако для современных версий постиндустриалистской философии истории характерным становится признание нежесткого и неоднозначного характера линейности истории и преодоление прогрессистских иллюзий, что определяется переосмыслением статуса техники в жизни общества. Хотя не подвергается сомнению центральная, «сквозная» установка о ее доминирующей роли, вместе с тем приходит понимание, что развитие науки и техники не только не является самоцелью, а должно осуществляться под тщательным контролем общества и соответствовать его ценностным приоритетам.

Поэтому, в-третьих, теоретики обновленного в 80—90-х гг. XX в. постиндустриализма, создавшие концепции информационного, компьютерного, постэкономического, сетевого общества, Э. Тоффлер, Е. Масуда, Д. Нейсбит, В. Л. Иноземцев, М. Кастельс, рассматривая современное общество как переходный этап от индустриальной к постиндустриальной цивилизации, говорят о необходимости в первую очередь перестройки сознания человека и социума. С их точки зрения, значимыми для человека в грядущем обществе должны стать гармония материальных и духовных ценностей, восстановление утраченной взаимосвязи общественного и индивидуального смыслов существования.

Так, автор одной из популярных версий концепции информационного общества Э. Тоффлер, говоря о прогрессе общества, замечает, что отныне он «не достигается автоматически и не определяется только материальными критериями» [6, с. 475]. Не случайно классический образ «лестницы прогресса» он заменяет образом «древа прогресса». В нем каждая ветвь являет собой определенную культуру, а множество культур позволяет представить «древо прогресса» как сложную развивающуюся систему.

Анализируя предполагаемую социальную конфигурацию возникающего сетевого общества, еще один из идеологов постиндустриализма М. Кастельс говорит о неизбежном усилении противостояния социума и личности при вступлении в информационную эру. В сетевом обществе, по его мнению, шансы на действительные социальные изменения невелики, если понимать под социальным изменением смену целевых установок сетевых программ или выбор иных ценностей. Однако реализация их все же возможна именно ввиду неординарности современного человека и специфики его самосознания, определяемой М. Кастельсом как «самосознание сопротивления». Эта реализация возможна через механизмы создания альтернативных сетей, построенных на базе социальных проектов экологизма, феминизма, движения за права человека, а также в рамках религиозных и этнических движений.

Эти социальные движения, названные «движением сопротивления», являются потенциальными субъектами информационной эры, так как они продуцируют формы самобытности, «устремленные в будущее»: религиозную самобытность, сексуальную и т. п. «Они дорожат своей исторической памятью, утверждают непреходящее значение своих ценностей в борьбе против распада истории в условиях исчезновения времени, против эфемерных компонентов культуры виртуальной реальности» [7, с. 305]. Таким образом, выстраиваемые этими движениями социальные сети выступают противовесом информационным сетям, логика развития которых уже не подчинена человеку. В этом контексте ведущим фактором новой истории становится самобытность личности.

Внимание к человеческому фактору проявляет и известный российский экономист В. Л. Иноземцев. По его мнению в настоящее время происходят необратимые изменения в характере человеческой деятельности, которые определяют ее трансформацию из собственно трудовой в творческую. Так, если ранее основным стимулом к труду была необходимость достижения определенного уровня материального благополучия, то теперь постепенно стимулом к творчеству становится стремление личности к самовыражению. В этом ключе В. Л. Иноземцев позиционирует постэкономическое общество как реализованное «царство свободы» — мечту гуманистов многих столетий.

Таким образом, современная философия истории включает в себя две предметные области, подразделяясь на субстанциальную (онтологическую) и рефлексивную (эпистемологическую) философию истории.

Круг проблем современной субстанциальной философии истории предполагает осмысление таких вопросов, как становление общества и специфика законов его развития, диалектика исторической необходимости и сознательной деятельности людей, единство и многообразие форм исторического развития, направленность исторического процесса, специфика исторического пространства и времени, смысл истории и некоторые другие.

Проблемное поле истории рефлексивной философии, в свою очередь, включает проблемы природы и специфики исторического познания, объективности исторического знания, статуса понимания и объяснения в историческом исследовании, особенностей исторического описания, социально-культурной детерминации исторического познания, специфики методологических программ исторического познания и др.

На первый взгляд различие между субстанциальной и рефлексивной историей принципиально, поскольку в первом случае речь идет о социальной онтологии, изучающей историческое бытие самого общества, во втором же — о его познании, т. е. о социально-гуманитарной эпистемологии. Основанием для этого различия является двойственное понимание истории, в котором история предстает как:

а) прошлое — «дела давно минувших дней», которые первичны в своей данности и не подлежат пересмотру, так как укоренены в самом социальном бытии и имеют фактографический характер;

б) знание о прошлом, а значит система наших представлений о нем, которые, как известно, весьма изменчивы. У древних греков слово «история» и означало рассказ о прошлых событиях.

Насколько принципиально это различие, а значит, можно ли говорить о целостности философии истории? Дело в том, что то, что мы называем объективной историей — событиями прошлого, всегда дано в форме наших знаний о них, а потому обязательно несет на себе отпечаток наших современных ценностных ориентаций и методологических установок. Это фиксируется в центральном понятии как субстанциальной, так и рефлексивной философии истории — понятии исторической реальности, характеризующем состояния и события прошлого, интерпретированные и понятые с позиций современности. Отсюда следует актуальность ставшего хрестоматийным положения: «Каждая эпоха переписывает историю по-своему».

Тем самым мы встречаемся с двумя основными пониманиями предмета исторической науки, в осмысление которых наряду с учеными-историками внесли свой вклад и философы истории, в частности, видный русский религиозный философ

и историк-медиевист Л. П. Карсавин. Он отмечал, что «неоднократно историческая наука определялась как наука о прошлом. Нам подобное определение представляется не вполне точным. История есть наука о развитии человечества в целом. Она изучает настоящее и прошлое, притом так, что ни то, ни другое в отдельности своей изучению уже не подлежит. История „строит“ осуществленное уже и осуществляющееся еще, исходя из момента настоящего, постигает прошлое чрез настоящее и настоящее чрез прошлое, и не как разъединенные моменты, а как непрерывный процесс. Познать прошлое вне настоящего, в отрыве от настоящего столь же невозможно, сколь невозможно познавать мир объективный без самопознания и без познания в нем себя, его познающего» [8, с. 277].

Постановка и анализ данной проблемы в философии истории предостерегают от теоретико-методологических крайностей, которые часто проявляются в научно-исторических и особенно публицистических работах — в позициях исторического объективизма и исторического субъективизма. Первая позиция основывается на убеждении в существовании единственно правильного понимания прошлого, точно его отражающего, и, следовательно, возможности воссоздания и реконструкции в мысли не только событий, но и мотивов поступков людей, которые породили эти события. Вторая — на том, что вся история — не более чем цепь интерпретаций, а прошлое — лишь эмпирическая основа для этих перманентно осуществляемых процедур. В радикальном варианте (например, в истолковании истории в структурализме М. Фуко) прошлое, как и нынешнее существование общества, характеризуется хаотичностью событий, а потому история (постистория) — это проект исследователя, выражающего свое видение исторического процесса и принимающего его за реальность. Очевидна реальная проблема, определяемая в социальной философии как проблема соотношения онтологического и гносеологического в социально-гуманитарном знании, которая определяет единство субстанциальной и рефлексивной философии истории.

Имея принципиально различные методологические принципы, рассмотренные направления «выросли» из классической философии истории. Философия истории постмодернизма появилась в результате критики ее методологии и продолжения в оппозиционной классике неклассической философии истории. В свою очередь, возникновению философии истории постиндустриализма во многом способствовала рецепция фундаментальных идей и методологических находок философско-исторической классики — таких как идеи

единства мировой истории, существования объективной логики исторического процесса и его прогрессивного характера.

Оба направления современной философии истории соответствуют альтернативным трендам общественной жизни и используют разные дискурсы, что свидетельствует о неоднозначности интерпретаций прошлого, настоящего и будущего. Характеризуя методологические особенности философии истории постмодернизма, в которых отражен ее социально-культурный контекст, обратимся к мнению известного писателя и публициста С. Алексиевич, которая говорит о различных канонах своего литературного творчества: «Исчез канон, по которому принято рассказывать. Когда я писала „У войны не женское лицо“, существовал некий канон войны. И сбить с него было очень трудно. А уже с черновильской книжкой — ситуация совершенно новая, канона не было, и человек вынужден был решать, что и как он будет рассказывать, сам». Так же и сейчас, при работе над «Время second hand» — новой работой автора. И далее на вопрос собеседника: «Откуда, почему это б/у время в названии? — она разъясняет суть смены канона: «Потому что все идеи, слова — всё с чужого плеча, как будто вчерашнее, ношенное. Никто не знает, как должно быть, что нам поможет, и все пользуются тем, что знали когда-то, что было прожито кем-то, прежним опытом. Пока, к сожалению, время second hand» [9]. Действительно, фраза О. Бальзака «История подделывается, когда делается» может быть рассмотрена как предтеча идей постмодернизма.

Что же касается методологии постиндустриализма, то она, как и ее предшественники в «лице»

концепций технологического детерминизма и технократизма, пусть в модифицированной и смягченной форме, абсолютизирует значение науки и техники для развития общества, рассматривая научно-технический прогресс не только как условие социального прогресса, но и как его сущность. Такой подход ограничивает эвристические возможности методологии постиндустриализма.

Список цитированных источников

1. Деррида, Ж. О почтовой открытке: от Сократа до Фрейда и не только / Ж. Деррида. — Минск, 1999.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр // Философия эпохи постмодерна. — Минск, 1996. — С. 32–47.
3. Бодрийяр, Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр. — Екатеринбург, 2006.
4. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна. — Минск, 1996. — С. 117–137.
5. Эллюль, Ж. Другая революция / Ж. Эллюль // Новая технократическая волна на Западе. — М., 1986. — С. 147–152.
6. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. — М., 2002.
7. Кастельс, М. Могущество самобытности / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе: антол. — М., 1999. — С. 292–308.
8. Карсавин, Л. П. Философия истории / Л. П. Карсавин. — СПб., 1993.
9. Алексиевич, С. Социализм кончился. А мы остались / С. Алексиевич // Дружба народов. — 2013. — № 10. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/>. — Дата доступа: 17.12.2013.

Дата поступления в редакцию: 26.09.2014 г.